

ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ. КНИГОВЕДЕНИЕ

УДК 002.1:168

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-9-127-146>

Документософия как философское осмысление сущности документа

Ю. Н. Столяров

*Российская государственная библиотека,
Москва, Российская Федерация
Научный и издательский центр «Наука» РАН,
Москва, Российская Федерация
ГПНТБ России, Москва, Российская Федерация,
yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>*

Аннотация. Продолжается обоснование поставленной А. В. Соколовым цели философски осмыслить сущность документа. За исходный пункт принято данное им определение документософии как области социально-культурного пространства, в которой создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации, именуемые документами. Область социально-культурного производства, в которой они возникают, циркулируют и хранятся, наименована им документосферой.

Показано, что адекватное определение документа возможно при его диалектическом, объект-субъектном восприятии, исходя из международного определения: документом является любой объект или записанная информация при условии, что в данном документационном процессе (а не вообще!) он может быть рассмотрен (субъектом) как единое целое. Отсюда вытекает потребность уточнять специфические ограничения и выстраивать для каждого конкретного документационного процесса собственное, более узкое определение документа.

Разъясняется фундаментальное положение об относительности, условности и конвенциональности понятия «документ», высказывается критическое отношение к медиалогии, претендующей на замену документивных понятий медиалогическими построениями. Фактически предмет документологии и предмет медиалогии совпадают. Но, во-первых, в каждой науке он имеет собственный термин, а, во-вторых, различается лишь подход к этому предмету: сущностный в документологии и коммуникативный в медиалогии. Медиалогия старательно, но беспричинно уходит от понятий «документ» и «информация». В-третьих, в отличие от документологии медиалогия пока бессильна предложить что-либо качественно новое и ценное в осмыслении феномена документ.

Ключевые слова: А. В. Соколов, документософия, документосфера, документология, медиалогия, хомодокумент, технодокумент, составляющие документа

Для цитирования: Столяров Ю. Н. Документософия как философское осмысление сущности документа / Ю. Н. Столяров // Научные и технические библиотеки. 2022. № 9. С. 127–146. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-9-127-146>

DOCUMENTOLOGY. BIBLIOLOGY

UDC 002.1:168

<https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-9-127-146>

Documentosophy as the philosophical conceptualization of document entity

Yury N. Stolyarov

*Russian State Library, Moscow, Russian Federation
Science and Publishing Center "Nauka" of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

*Russian National Public Library for Science and Technology,
Moscow, Russian Federation
yn100@narod.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9597-4275>*

Abstract. The author continues to substantiate the goal set by Arkady Sokolov to conceptualize the document entity. As the initial point, he took Sokolov's definition of documentosophy as the segment of sociocultural space to build, transfer, preserve and user meaningful communication messages referred to as documents. Sokolov also refers to the sphere of sociocultural production where the documents emerge, circulate and are preserved, as the documentosphere.

The author argues that the adequate definition of the document is possible in its dialectic object-subject perception according to the international definition:

the document is an object or recorded information provided that in the given documentation process (rather than generally!) it can be considered (by a subject) as a discrete whole. This results in the need to specify restrictions and to formulate narrower definition of the document specifically for each individual documentation process.

The fundamental provision of relativity, conformity and conventionality of the concept “document” is explained; the author criticizes the mediaology claiming to replace documentive concepts with mediological structures. In fact, the subject of documentology coincides with that of mediaology. However, firstly, each science has its own term, and, secondly, these are just their approaches that differ, i. e. the ontological approach is applied in documentology, and the communicative one in mediaology. The mediaology has been diligently though unreasonably avoiding the concepts of “document” and “information”. Thirdly, as opposed to documentology, the mediaology has been still unable to propose any brand-new and valuable insight into the document phenomenon.

Keywords: Arkady V. Sokolov, documentosophy, documentsphere, documentology, mediaology, homodocument, technodocument, document components

Cite: Stolyarov Yu. N. Documentosophy as the philosophical conceptualization of document entity / Yu. N. Stolyarov // Scientific and technical libraries. 2022. No. 9. P. 127–146. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2022-9-127-146>

Из всех современных специалистов, изучающих сущность документа, самым основательным является Аркадий Васильевич Соколов. Он обозначил проблему познания документосферы и до сих пор успешно её исследует [1–3]. Документософией учёный предлагает считать область социально-культурного пространства, в которой создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации, именуемые документами. Примем это определение за исходный пункт дальнейших рассуждений.

Библиосфера как составная часть входит в документосферу [4].

В историографическом обзоре эмпирического этапа осмысления сущности документа [1] А. В. Соколов показал, что в документосферу органично вписываются библиосфера и музейный документ. Привлекателен гуманистический пафос «третьего приближения» к сущности документосферы [3], особенно вывод о том, что произведение полиграфического искусства и веб-сайт – явления одного порядка. Автор принимает мой тезис о том, что «всякий документ в сущности есть семан-

тическая (смысловая) информация, представляющая собой смысл (результат мышления), зафиксированный на материальном носителе в знаковой форме» [3. С. 18, 19].

В методологическом отношении наибольшую ценность представляет «второе приближение к сущности документа», или, в трактовке А. В. Соколова, информационный подход к его осмыслению [2]. В силу повышенной важности этот подход будет подробнее рассмотрен далее.

Солидаризируюсь с А. В. Соколовым в том, что «разграничивать понятия “документ” и “документированная информация” нелепо» [Там же. С. 12]. Но не потому, что «документ является носителем не всякой информации, а только документированной» [Там же], а потому, что выражение «документированная информация» внутренне тавтологично. Поскольку документ это и есть информация, «документированная информация» – это, с позволения сказать, «информационная информация», или, говоря проще, «масляное масло».

Постановка мною вопроса о важности философского осмысления сущности документа [5, 6] вызвала со стороны Аркадия Васильевича серьёзную реакцию. Куда более весомую, чем попытка Е. А. Плешкевича дезавуировать саму возможность такого осмысления, – по крайней мере, в моём исполнении [7]. (Мой ответ на эту статью см.: Столяров Ю. Н. Теория ради практики. К дискуссии об исходных основаниях документологии // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 137–151.)

В обстоятельной статье «Документ как предмет научного познания» [8] А. В. Соколов поддерживает основные высказанные мною мысли, добавляя к ним ряд собственных ценных соображений. Учёный констатирует, что на данный момент «известно более дюжины академически признанных наук о документе», и их перечень далёк от завершения. Действительно, согласно первому закону документологии, решительно каждый социально значимый акт нуждается в документарном оформлении и сопровождении, а это означает, что документивной деятельностью пронизана вся социальная сфера. Область социально-культурного производства, в которой создаются, передаются, хранятся и используются сообщения смысловой коммуникации – документы – в 2016 г. он наименовал документосферой [9] и в последующих трудах активно обосновывал и развивал концепцию этого феномена. Для его

обозначения А. В. Соколов использует и понятие «библиосфера», что можно считать правомерным, если, вслед за П. Отле, рассматривать понятия «документ» и «библион» как синонимы. Кроме того, учёного привлекает и понятие «инфосфера» [10].

Исследователь обращает внимание на то, что без философского осмысления документосфера развивается стихийно, хаотично, что, естественно, порождает коллизии. В западном мире, констатирует А. В. Соколов, в минувшем столетии сложились две независимых, конкурирующих тенденции: линия Поля Отле (1868–1944) и линия Маршалла Маклюэна (1911–1980). В нашей стране пионером информатики и документалистики Поль Отле был признан только в 1960-е гг., в процессе построения Государственной системы научно-технической информации. М. Маклюэну славу основоположника медиалогии как научной дисциплины принёс бестселлер «Понимание Медиа: Внешние расширения человека» (1964). В соответствии с концепцией исследователя всякое изобретение человека (следовательно, и документ) правомерно рассматривать как внешнее расширение человека, или медиа. Поэтому, как подсказывает логика, вместо понятия «документ» можно обходиться понятием «медиа» и, соответственно, вместо документологии разрабатывать медиалогия.

Этот взгляд особенно импонирует Д. А. Эльяшевичу, который объявил документологию «методологически беспомощной псевдонаукой... иллюзией, у которой нет будущего» и призвал рассматривать книговедение в русле медиалогии [11], хотя ничего достойного обсуждения не представил. А. В. Соколов довольно спокойно относится к его явно контрпродуктивной методологической позиции, хотя, по его мнению, сегодня преждевременно говорить о формировании библиомедиалогии, обобщающей медиапроцессы в отдельных секторах документосферы, включая библиотечное дело и библиографию. При этом уместно обратить внимание на «медиаальный поворот» в отечественной философии. Далее изложены те постулаты медиалогии, которые можно предложить взамен документологических максим.

Такой крен в сторону медиалогии А. В. Соколов допускает в связи с тем, что от документологии его отвращают некоторые утверждения. Что же это за утверждения и насколько медиалогия более прогрессивна по сравнению с документологией?

Прежде всего отметим, что предмет документологии и медиалогии во многом идентичен, им являются «внешние расширения человека». Но, во-первых, в каждой науке он обозначается собственным термином, а во-вторых, различается подход к этому предмету: сущностный в документологии и коммуникативный в медиалогии. Медиалогия старательно, но беспричинно уходит от понятий «документ» и «информация».

Согласно М. Маклюэну, медиумом является всё окружающее, если с его помощью нам хотят что-то сообщить: не только книги и печатная продукция (галактика Гутенберга), но и телефон, кино, радио, телевидение (галактика Маркони), а также речь, числа, деньги, одежда, жилище, дороги, транспорт (от велосипеда до самолёта) и прочие «технические расширения человека».

Информация: иллюзия или реальность?

Медиалогия избегает понятия «информация», и это импонирует А. В. Соколову, полагающему, что оно иллюзорно, как эффект от очков из книги «Волшебник Изумрудного города». «Если очки снимали, Изумрудный город исчезал», – пишет А. В. Соколов [8. С. 5]. Но в сказке город существовал на самом деле, изумрудным он казался лишь сквозь стёкла очков.

– Терпение, друзья мои! Вы скоро узнаете все мои тайны, – сказал Гудвин, улыбаясь. – В моём городе не больше зелёного, чем во всяком другом. Тут всё дело, – он таинственно понизил голос, – всё дело в зелёных очках, которые никогда не снимают мои подданные.

– Как? – вскричала Элли. – Значит, мрамор домов и мостовых...

– Белый, дитя моё!

– А изумруды? – спросил Страшила.

– Простое стекло, но лучшего сорта! – гордо добавил Гудвин. – Я не жалел расходов [12].

Суждение, построенное на ложном постулате, не может быть истинным. Соответственно, и подход к изучению документа не может быть информационным, поскольку в этом случае мы имеем дело с внутренней тавтологией: документ – это и есть информация. Но вполне допустимо изучать документ как материализованную информацию с позиций онтологического, феноменологического, эмпирического, гуманистического, когнитивного, семиотического, медиалогического и других подходов. Гипотеза, в соответствии с которой «информация является тем инвариантом документа, который выражает его сущность» [8. С. 4], должна перейти в разряд позитивного теоретического утверждения.

Документ – вещь для себя и вещь для нас

Камнем преткновения для многих документологов является тезис об относительности, условности и конвенциональности документа. Они стремятся создать абсолютную дефиницию документа, а эта задача каждый раз оказывается ущербной. Причиной тому – методологическая порочность стремления совместить заложенное в сущности документа объективное и субъективное начала. «Документы, как известно, имеют не естественное, а искусственное происхождение, их порождает не природа, а общество», – убеждён А. В. Соколов [2. С. 12]. Столь же уверен В. Т. Клапюк, утверждающий, что «от документов следует отличать предметы материальной культуры и природной среды», поскольку они всего лишь выполняют функцию документа, но таковыми в сущности не являются [13]. Однако вопрос о сущности и функциях документа сложнее, чем хотелось бы многим, кто вынужден оперировать понятием «документ».

Суть расхождений заключается в том, что одни видят в документе только объективную сторону (располагает ли объект необходимыми и достаточными признаками документа безотносительно к факту пользования им), другие – только субъективную (если объект, располагающий признаками документа, в качестве такового не используется, то документом он не является; но если объект не является документом по факту создания, однако используется для фиксирования и передачи информации, то ведь функции документа он выполняет). Иными словами, возникает вопрос об онтологической и феноменологической сущности документа.

В чистом виде это противоречие неразрешимо. Однако оно снимается при диалектическом подходе. При самом широком понимании документа как любого объекта, способного передать нужную информацию (Документ-I по классификации Г. Н. Швецово-Водки), становится ясно, что колоссальное количество документов возникает естественным путём. Поэтому А. В. Соколов от «Документа-I» и отмежёвывается, полагая, что генетически он не является документом [2. С. 13]. Это, используя понятийный ряд И. Канта, «документы для себя». С точки зрения медиалогии, «техническими расширениями человека» они не являются. Следовательно, в рассматриваемом аспекте документология подходит к вопросу шире, чем медиалогия.

Чтобы стать «вещью для нас», требуется, чтобы внешние объекты нам – субъектам – в этом качестве понадобились для извлечения из них требуемой информации. Так документ в онтологическом смысле смыкается с документом в феноменологическом смысле (соединение объективного с субъективным). Из этого вытекает свойство относительности документа: для одного субъекта данный объект документом является, для другого субъекта он этой ценности лишён, даже если обладает всеми формальными признаками документа. В международном определении документа [14. Р. 3.1.1.38] учтены оба названных обстоятельства: документом считается любой *объект* или записанная информация (но она тоже является объектом, так что это уточнение избыточно) при *условии* (условность понятия «документ»), что он в *данном* документационном процессе может быть рассмотрен (*субъектом*) как единое целое.

Выявленная сущностная особенность документа служит методологическим основанием для уточнения специфических ограничений для каждого конкретного документационного процесса и выстраивания для него собственного, более узкого, то есть объект-субъектного определения документа.

Основная функция некоторых названных М. Маклюэном медиа (например, транспорт, жилища, дороги, одежда, деньги) заключается не в акте коммуникации как таковом. Документология идёт значительно дальше медиалогии: в соответствии с международным определением документа как объекта, который можно рассматривать как единое целое в документационном процессе, все «технические расши-

рения человека» (и не только они) потенциально представляют собой частный случай документа (в онтологическом смысле).

Более того, к документам могут быть отнесены объекты не только физического, но и ментального мира, так как информация в документе записывается знаками, а знаком могут служить любые идеи, процессы и явления («3.1.1 Знак: материальный предмет (явление, действие, событие), который выступает в процессе коммуникации как представитель другого предмета, свойства или отношения и используется для передачи, переработки и хранения информации» [15]). В роли документа, согласно международному определению, могут выступать не только внешние расширения человека, но и любые объекты материального и духовного мира, а также «внутренние расширения человека» – его ментальный мир, имеющий статус автохомодокумента.

Следовательно, по содержанию Документология богаче Медиалогии. Не добавляя чего-либо существенно значимого к трактовке документа документологами, медиалогия, возникшая значительно позже, только формулирует исходные понятия дисциплины и ищет своё место в системе научных дисциплин. Её возможности воздействовать на книговедение, библиотековедение, библиографоведение пока слишком скромны, чтобы делать на неё стратегическую ставку и добровольно, без нужды отказываться от возможностей, постепенно вырабатываемых документологией.

Видимо, медиалогия привлекательна для А. В. Соколова тем, что, абстрагируясь от проблемы сущности информации, она снимает важный для него дискуссионный вопрос об амбивалентности как информации, так и документа. А. В. Соколов воспринимает информацию как «амбивалентный (идеально-материальный) феномен, выражающий смыслы в коммуникабельной знаковой форме» [3. С. 24]. Определение документа как идеально-материального феномена весьма точно описывает его сущность. Это определение можно было бы принять, если бы автор согласился отказаться от слова «амбивалентный». Понятие амбивалентности, или двойственности, применимо к одному и тому же объекту *в одном и том же отношении*. Герой песни В. Высоцкого утверждает: «Во мне два я, два полюса планеты, два разных человека, два врага: когда один стремится на балеты, другой стремится прямо на бега». Перед нами классический пример раздвоения личности, то есть

амбивалентности, или шизофрении. В нашем случае амбивалентность следовало бы искать либо только в пределах содержания, либо только формы документа. Например, если бы утверждалось, что «всякий документ наполнен содержанием, но вместе с тем он всегда и непременно бессодержателен; всякий документ имеет форму, но вместе с тем он обязательно бесформенный. А если дело обстоит иначе, то рассматриваемый феномен относить к документу нельзя». Поскольку рассуждения А. В. Соколова от таких явно алогичных утверждений свободны, то и понятие амбивалентности в них предстаёт излишним, введённым искусственно, на дальнейший ход мысли автора никак не влияющим.

В рассматриваемом аспекте информация – объект идеальный, абстрактный, имеющий отношение только к смыслу. Если ставить её предметом изучения исключительно в смысловом аспекте, получаем информатику как науку только об информации [16]. Если же явление рассматривается одновременно с точки зрения и содержания, и формы, то речь идёт о двуедином – содержательном и оформленном – предмете (в нашем случае – о документе) в целом. Эту же мысль можно выразить иначе: *в сочетании с материальной формой выражения смысла информация превращается в документ*. Следовательно, в этом случае мы имеем дело с диалектическим единством (содержание оформлено, форма наполнена содержанием), а вовсе не с амбивалентностью. Поэтому А. В. Соколов напрасно усматривает амбивалентность и в случае информации, и в случае документа, хотя сам солидаризируется с Г. Г. Воробьёвым, определяющим документ именно как информацию, выраженную «на любом языке и зафиксированную любым способом на любом носителе» [3. С. 25]. Интересующимся исключительно информационной составляющей объекта следует обращаться к информатике; тому, для кого важны и её конкретные воплощения – материальные, знаковые, языковые и прочие, – милости просим в документологию.

Попытки оставить за документом только формальные признаки, изъяв информационную составляющую, методологически беспочвенны: документ – это оформленная информация, то есть информация в совокупности с оформлением. Поэтому утверждение о том, что «информация первична, а документ вторичен» [8. С. 24], порочно. Если информации присущи знаковая форма и материальное воплощение, то она

представляет собой документ. Информацию действительно можно изучать, абстрагируясь от языка, способов фиксирования, материала носителя и т. д. Именно этим занимается информатика. Но языки, способы записи, материальные носители точно так же можно изучать безотносительно к предназначенной для фиксации на них информации. Такое изучение ещё не является документологией: изучением только языков занимается лингвистика, только знаковых систем – семиотика и т. д. Документологию все эти составляющие интересуют в совокупности, если в какой-нибудь статье рассматривается, предположим, только одна из них, остальные имеются в виду по умолчанию. Целостное описание документа предполагает освещение всех его составляющих, известных на данный момент. В том числе информационной.

А. В. Соколов подчёркивает: «Толковые словари почти единогласно утверждают, что информация – это сведения (знания, сообщения), передаваемые в процессе коммуникации» [8]. Обратим особое внимание: информация – только сведения и ничего больше. Сведения плюс знаки, способ передачи и прочее, по определению, уже не информация. А что? Документ!

Библиографоведение правомерно разводит понятия содержания и формы документа. Если под содержанием понимается информация, закреплённая на материальном носителе, то под формой – материальный носитель с зафиксированной на нём информацией [17. С. 19]. Здесь прослеживается диалектическое единство содержания и формы, но никак не амбивалентность.

Далее. Если сведения передаются, например, техническими средствами, то от этого существо сведений остаётся прежним. Вопрос о средствах становится второстепенным, то есть несущественным, и машинные средства передачи информации всего лишь превращают ходокумент в технодокумент, требующий для себя новых технологий. Эти технологии корректно именовать документскими, а отнюдь не информационными, поскольку передаётся не информация в чистом виде, а информация, выраженная на том или ином языке, превращённая в машиновоспринимаемый вид и т. д. То есть передаётся не только информация, но и документ (технотронный). Соответственно, библиотекарь/библиограф имеет дело с обработкой не информации, а всегда и только с обработкой, поиском, передачей, хранением, распространением.

нием и т. д. документа! Следовательно, и соответствующие системы должны называться не информационными, а документскими. Сказанное равно относится к поиску, обработке документов, их массивам, потокам, ресурсам, – а значит, в своей подавляющей части профессиональная информатическая терминология некорректна, она должна быть развёрнута в сторону документа.

Представляю, какое бурное возмущение может вызвать это утверждение, особенно среди информатиков, изначально бывших документалистами. Но наука, как известно, свободна от эмоций и предвзятых утверждений. Покажите, в чём нелогичность высказанных постулатов, и без всякого сожаления я в ту же минуту от них откажусь.

Разделение А. В. Соколовым документов (информация – всего лишь одна их составляющая, хотя и главная) на семантические (знаковые, или семиотические) и машинные некорректно, поскольку машина передаёт ту же самую распознаваемую человеком семантическую информацию, только в перекодированном виде. На выходе (на экране) она раскодируется и вновь предстаёт в привычном буквенно-цифровом, или иконическом, или звуковом виде. Только и всего. Собственно машинной является только внутрикомпьютерная информация, необходимая для автоматического преобразования знаков в сигналы, понятные машине. Для конечного потребителя, за исключением программистов, она неважна и при выяснении свойств и признаков документа может не учитываться.

Машинная информация именуется А. В. Соколовым также сигнальной, или кодированной, цифровой, дискретной, континуальной. Здесь снова налицо смешение оснований деления. Машинной информации противостоит не сигнальная (знаковая), поскольку она тоже знаковая, но знаки имеют другую природу, а биологическая, в частности, антропологическая. Так называемой математической информацией, измеряемой в битах, байтах и т. п., тоже передаётся смысл (семантика). Привычная всем дискретная (лат. *discretus* – разделённый, прерывистый), то есть имеющая начало и конец, информация образует дихотомическую пару с информацией континуальной (лат. *Continuitas* – непрерывность). Дискретность или континуальность информации в равной степени свойственна как хомо-, так и технодокументу. Она описывает его темпоральную (лат. *tempus* – время) составляющую, характеризующую

время создания и распространения документа, продолжительность его существования, начало и конец его восприятия и многие иные состояния, достойные исследования.

Из сказанного следует, что противопоставление галактики Гутенберга галактике Маклюена в значительной степени надуманно. Линия противопоставления пролегает по средствам (медиа), то есть по форме, а не по существу передаваемых сообщений.

Относительность, условность и конвенциональность документа

Смущают А. В. Соколова и такие существенные особенности документа, как относительность, условность и конвенциональность. Ему, да и всем, кто работает над определением документа, очень хочется создать абсолютную, однозначную, применимую для всех случаев дефиницию документа. Однако при ближайшем рассмотрении каждая из таких дефиниций оказывается ущербной, и поиск идеального определения безостановочно продолжается на протяжении многих десятилетий. Но если принять предельно широкое международное определение, снимающее любые ограничения, кроме единственного, объект может быть единицей данного документского процесса, то всё легко встаёт на свои места. Тогда один и тот же объект *по отношению* (вот где реализация свойства относительности документа) к одному документскому процессу документом является, а по отношению к другому такого статуса лишается. И это естественно, закономерно и единственно возможно.

А. В. Соколов утверждает, будто «логика не знает условных понятий». Однако в логике есть условные силлогизмы – откройте любой учебник, любой словарь или справочник по логике! Соколовское выражение «условный документ» – натяжка, его использует только мой оппонент. Его тезис о том, что «правдивое сообщение – всегда "безусловный документ"», весьма спорно. Во-первых, точнее будет выразиться, что «правдивое сообщение *безусловно правдиво*», да и то при условии, что существует договорённость (предварительная обусловленность) о том, что считается правдой в данном случае. Во-вторых, документом правдивое сообщение считается только в границах соответствующей документской системы, за её пределами оно в качестве

документа попросту не рассматривается. В лучшем случае ему придаётся статус ложного документа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как видим, и с условностью документа не всё так просто, как хотелось бы.

А. В. Соколов утверждает, что считать сущность документа условной некорректно [8. С. 27]. По отношению к понятию сущности он прав. Но условной является не сущность документа, а отношение к ней! И дело не в том, что определения документологов представляют собой относительную истину; относительным является статус документа применительно к конкретной документальной системе.

Остаётся рассмотреть возражение против конвенциональной сущности понятия «документ». К счастью, Аркадий Васильевич согласен, что «нельзя вообще отказаться от конвенций в документологии». Но нужно иметь в виду, что когда речь идёт о дефиниции документа, то и понятие конвенционализма относится к документу, а не к документологии. Категория веры привнесена сюда А. В. Соколовым искусственно. Он полагает, будто некие заключения с точки зрения конвенционального подхода приемлемы, а с точки зрения формальной логики – нет. Отвергаю такой вывод. К приводимому им примеру (книга «Приключения Буратино» для детской библиотеки – документ, а для научнотехнической – недокумент) применять закон исключённого третьего неуместно: он распространяется на случаи, когда противоречивые суждения относятся к одному и тому же объекту и в одном и том же отношении. В данном случае мы имеем дело с двумя разными отношениями. По отношению к одному из объектов – детской библиотеке – «Приключения Буратино» представляют собой документ, по отношению к другому – библиотеке технической – эта книга статус документа утрачивает. С точки зрения логики можно построить несколько силлогизмов, и все они сведутся к общему, единственно верному выводу:

Детская библиотека приобретает только документы, предназначенные для детей. По определению детской библиотеки «Приключения Буратино» – документ, предназначенный для детей.

Вывод: детская библиотека вправе иметь книгу «Приключения Буратино» в своём фонде.

Научно-техническая библиотека приобретает только документы научно-технического профиля. Книга «Приключения Буратино» не является документом научно-технического профиля.

Вывод: научно-техническая библиотека не имеет права содержать «Приключения Буратино» в своём фонде, поскольку эта книга не соответствует понятию «документ фонда (данной) научно-технической библиотеки».

Библиотеки считают документом только такую записанную информацию, которая соответствует профилю их фонда.

Книга «Приключения Буратино» соответствует профилю фонда только детской библиотеки.

Вывод: детская библиотека имеет право содержать в своём фонде «Приключения Буратино», а научно-техническая библиотека такого права лишена.

Так где же здесь: а) действие логического закона исключённого третьего? б) нарушение этого или любого иного закона логики? Относительность, условность и конвенциональность документа и в этом примере полностью согласовываются с требованиями традиционной логики.

Любопытно узнать, какой теоретический выход из приведённой коллизии делает сам А. В. Соколов, предложивший этот наглядный пример. Правомочна ли с его «строго документологической» точки зрения научно-техническая библиотека приобретать явно непрофильные документы?

Чем медиалогия обогащает теорию документа?

Удручённый мнимыми недостатками исходных положений документологии, А. В. Соколов обращает полный надежды взор на нарождающуюся наших глазах медиалогия. Он отмечает, что в современном книговедении признаются максимы: «всякая книга есть медиа»; «электронная книга – медиа цифровой культуры»; «библиографический документ – медиа»; «любая библиотека – это медиа».

Хотелось бы знать: чем реально, в отличие от документологии, эти постулаты обогащают книговедение, библиотековедение, библиографию? Истина, как известно, конкретна. Хорошо, назовём книгу «Приключения Буратино» не документом, а медиа. Что это изменит в содержании и технологии библиотечного дела? Как это поможет разре-

шить «сложнейший» вопрос о приобретении этого медиа в научно-техническую библиотеку? И книга – медиа, и библиотека – медиа: как же отличить одну (одно, одни) медиа от другой (другого, других)? Вместо ответов на эти и подобные вопросы А. В. Соколов восторгается успехами радикальной медиалогии, сетуя, правда, что пока «преждевременно говорить о формировании библиомедиалогии, обобщающей медиапроцессы в отдельных секторах документосферы, включая библиотечное дело и библиографию... В этом перечне отсутствуют медиаподходы документологии, что является досадным пробелом» [8. С. 29, 30]. Ему хотелось бы примирить документологию и медиалогию, издав дополненную и исправленную редакцию учебника по документологии и одновременно подготовив учебник по библиомедиалогии (книжной медиалогии) на базе нового книговедения. Ещё важнее разработать философию документа – документософию. На сегодняшний день познание феномена документа, документных потоков, документных фондов и документосферы в целом освещается односторонне рационалистично, всего лишь в духе классического позитивизма Огюста Конта (1798–1857). Такова позиция Аркадия Васильевича Соколова.

Моя оценка изложенной ситуации несколько иная. Прошло время, когда любую теорию непременно следовало подвёрстывать под учение Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. В случаях, когда это необходимо, так надо действовать и сейчас. Например, методологию системного подхода лично я освоил на основе «Капитала» К. Маркса и продолжаю базироваться именно на ней в развитии системного подхода применительно к библиотечным реалиям. Что касается Документологии, то в ней оправдывает себя контовский позитивизм. Указание на это воспринимаю как научный комплимент. Н. А. Рубакин тоже строил классификацию наук применительно к структуре библиотечного фонда и к построению классического указателя «Среди книг», опираясь на философские взгляды Огюста Конта. Оказаться в таком сообществе лестно.

На данный момент позитивное значение медиалогии для разработки всеобщей теории документа заключается лишь в заявке на вовлечение феномена «документ» в поле своего зрения. Медиалогия удостоится от документологов большой похвалы и искренней благодарности, когда рассмотрение документа в медиалогическом ракурсе принесёт практическую пользу.

Выводы

Требуется ли восхождение от эмпирической Документологии к абстрактной Документософии? Вне всякого сомнения, оно необходимо и при правильном осмыслении проблемы окажется чрезвычайно продуктивным. Документология при этом сохранит, а возможно, и повысит свою значимость, она станет прикладным, эмпирическим базисом Документософии. То, чем займётся Документософия, может совершить форменный прорыв в общем философском мировоззрении – ни много ни мало!

Первые фундаментальные положения Документософии уже сделаны. Имеется в виду осмысление феномена документа в разрезе философского учения сэра К. Поппера о трёх мирах, один из которых – «мир логического содержания книг, библиотек, компьютерной памяти и тому подобного» [18. С. 78], или мир овеществлённой информации, то есть мир документа. Его взгляды уже проникли в сферу документологии [5. С. 19], но осмыслить и прочувствовать их в полной мере ещё предстоит и философам, и документологам.

Таким образом, документософия изучает понятие «документ» диалектически, исходя из того, что в роли документа принципиально способен выступить любой объект природы. Но статус документа придаётся этому объекту субъектом, то есть документистом. Поэтому документ представляет собой объект-субъектное единство. Такая диалектическая особенность порождает относительность, условность и конвенциональность как характерную качественную специфику документа. В случаях, когда понятие «документ» используется в интересах системы социальных коммуникаций, его правомерно рассматривать как медиапродукт и исследовать в русле медиалогических понятий и норм.

Диалектичность документологии проявляется также при рассмотрении документа в единстве его содержания и формы. Противопоставление информационной составляющей или даже её отрыв от всех остальных составляющих документа выхолащивает его сущность.

Начало документософии уже положено. По мере сил и возможностей предстоит её развивать.

Список источников

1. **Соколов А. В.** На путях познания документосферы. Часть 1. Первое приближение к сущности документа: эмпирический подход // Научные и технические библиотеки. 2016. № 5. С. 7–28.
2. **Соколов А. В.** На путях познания документосферы. Часть 2. Второе приближение к сущности документа: информационный подход // Научные и технические библиотеки. 2016. № 6. С. 3–22.
3. **Соколов А. В.** На путях познания документосферы. Часть 3. Третье приближение к сущности документа: гуманистический подход // Научные и технические библиотеки. 2016. № 7. С. 3–24.
4. **Соколов А. В.** Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России : профессионально-мировоззренческое пособие / Русская школьная библиотечная ассоциация. Москва : РШБА, 2016. 384 с.
5. **Столяров Ю. Н.** Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.
6. **Столяров Ю. Н.** Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. 2021. № 2. С. 15–40.
7. **Плешкевич Е. А.** К вопросу о документологии и её методологии // Научные и технические библиотеки. 2022. № 6. С. 152–169.
8. **Соколов А. В.** Документ как предмет научного познания // Научные и технические библиотеки. 2021. № 8. С. 13–38.
9. **Соколов А. В.** Документосфера как предмет преподавания в библиотечно-информационной школе // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2. С. 182–187.
10. **Соколов А. В.** Библиосфера и инфосфера в культурном пространстве России : профессионально-мировоззренческое пособие / Русская школьная библиотечная ассоциация. Москва : РШБА, 2016. 384 с.
11. **Эльашевич Д. А.** Книговедение: жизнь после смерти // Книга и книжное дело в XIX–XXI веке. Тр. СПбГИК. 2018. Т. 217. С. 55–82.
12. **Волков А. М.** Волшебник Изумрудного города. Часть вторая. Изумрудный город. URL: <https://shkolnaiapora.ru/literaturnoe-chtenie/volkov-aleksandr-melentevich/volshebник-izumrudnogo-goroda.html#vozvrashchenie-v-izumrudnyy-gorod> (дата обращения: 23.08.2022).
13. **Клапюк В. Т.** Документ как научное понятие и «исходная клеточка» теории библиографии // Информационная культура личности: прошлое, настоящее, будущее : тезисы докладов Международной научной конференции Краснодар – Новороссийск 11–14 сентября 1999 г. Краснодар, 1999. С. 278.
14. **ISO 5127** Information and documentation – Foundation and vocabulary. Second edition 2017-05. Switzerland, 2017. 364 p.

15. **ГОСТ 7.0-99.** Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004287> (дата обращения: 23.08.2022).
16. **Информатика** как наука об информации: информационный, документальный, технологический, экономический, социальный и организационный аспекты / под ред. Р. С. Гиляревского. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 592 с.
17. **Коршунов О. П., Леликова Н. К., Лиховид Т. Ф.** Библиографоведение : учебник / под общ. ред. О. П. Коршунова. Санкт-Петербург : Профессия, 2014. 287 с.
18. **Поппер К. Р.** Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; отв. ред. В. Н. Садовский. Москва : Эдиториал, УРСС, 2002. 381 с.

References

1. **Sokolov A. V.** Na putiakh poznaniia dokumentosfery`. Chast` 1. Pervoe priblizhenie k sushchnosti dokumenta: e`mpiricheskii` podhod // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2016. № 5. S. 7–28.
2. **Sokolov A. V.** Na putiakh poznaniia dokumentosfery`. Chast` 2. Vtoroe priblizhenie k sushchnosti dokumenta: informatcionny`i` podhod // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2016. № 6. S. 3–22.
3. **Sokolov A. V.** Na putiakh poznaniia dokumentosfery`. Chast` 3. Tret`e priblizhenie k sushchnosti dokumenta: gumanisticheskii` podhod // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2016. № 7. S. 3–24.
4. **Sokolov A. V.** Bibliosfera i infosfera v kul`turnom prostranstve Rossii : professional`no-mirovozzrencheskoe posobie / Russkaia shkol`naia bibliotchnaia assotiatciia. Moskva : RShBA, 2016. 384 s.
5. **Stoliarov Iu. N.** Dokumentologija: prichiny` poiavleniia, e`tapy` razvitiia // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 1. S. 15–26.
6. **Stoliarov Iu. N.** Ishodny`e postulaty` dokumentologii – vseobshchei` teorii dokumenta // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 2. S. 15–40.
7. **Pleshkevich E. A.** K voprosu o dokumentologii i eyo metodologii // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2022. № 6. S. 152–169.
8. **Sokolov A. V.** Dokument kak predmet nauchnogo poznaniia // Nauchny`e i tekhnicheskie biblioteki. 2021. № 8. S. 13–38.
9. **Sokolov A. V.** Dokumentosfera kak predmet prepodavaniia v bibliotechno-informatcionnoi` shkole // Vestneyk SPbGUKI. 2016. № 2. S. 182–187.
10. **Sokolov A. V.** Bibliosfera i infosfera v kul`turnom prostranstve Rossii : professional`no-mirovozzrencheskoe posobie / Russkaia shkol`naia bibliotchnaia assotiatciia. Moskva : RShBA, 2016. 384 s.

11. **E`Iashevich D. A.** Knigovedenie: zhizn` posle smerti // Kniga i knizhnoe delo v XIX–XXI veke. Tr. SPbGIK. 2018. T. 217. S. 55–82.
12. **Volkov A. M.** Volshebnik Izumrudnogo goroda. Chast` vtoraiia. Izumrudny`i` gorod. URL: <https://shkolnaiapora.ru/literaturnoe-chtenie/volkov-aleksandr-melentevich/volshebnik-izumrudnogo-goroda.html#vozvrashchenie-v-izumrudnyy-gorod> (data obrashcheniia: 23.08.2022).
13. **Clapiiuk V. T.** Dokument kak nauchnoe poniatie i «ishodnaia cletochka» teorii bibliografii // Informatcionnaia kul`tura lichnosti: proshloe, nastoiashchee, budushchee : tezisy` docladov Mezhdunarodnoi` nauchnoi` konferencii Krasnodar – Novorossii`sk 11–14 sentiabria 1999 g. Krasnodar, 1999. S. 278.
14. **ISO 5127** Information and documentation – Foundation and vocabulary. Second edition 2017-05. Schwitseriand, 2017. 364 p.
15. **GOST 7.0-99.** Informatcionno-bibliotechnaia deiatel`nost`, bibliografiia. Terminy` i opredeleniia. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200004287> (data obrashcheniia: 23.08.2022).
16. **Informatika** kak nauka ob informatcii: informatcionny`i`, dokumental`ny`i`, tekhnologicheskii`, e`konomicheskii`, sotsial`ny`i` i organizatcionny`i` aspekty` / pod red. R. S. Giliarevskogo. Moskva : FAIR-PRESS, 2006. 592 s.
17. **Korshunov O. P., Lelikova N. K., Leehovid T. F.** Bibliografovedenie : uchebnik / pod obshch. red. O. P. Korshunova. Sankt-Peterburg : Professiia, 2014. 287 s.
18. **Popper K. R.** Ob`ektivnoe znanie. E`voliucionny`i` podhod / per. s angl. D. G. Lahuti ; otv. red. V. N. Sadovskii`. Moskva : Edithorial, URSS, 2002. 381 s.

Информация об авторе / Information about the author

Столяров Юрий Николаевич – доктор пед. наук, профессор, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, Научного и издательского центра «Наука» РАН, ГПНТБ России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
yn100@narod.ru

Yury N. Stolyarov – Dr. Sc. (Pedagogy), Professor, Chief Researcher, Russian State Library; Chief Researcher, Science and Publishing Center “Nauka” of Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Russian National Public Library for Science and Technology, Moscow, Russian Federation
yn100@narod.ru